

Д.М. Бузаджи

Миффи и ее «команда», или Как я переводил стихи

В августе 2010 г. один издатель, для которого я к тому времени уже несколько лет подряд переводил публицистику, предложил мне своеобразную подработку: перевести с английского языка на русский несколько стихотворений для детей младшего возраста.

Я никогда не считал себя переводчиком поэзии и, наверное, отказался бы, если бы речь действительно шла о поэзии в полном смысле этого слова. Однако, посмотрев на вирши вроде “little miffy one fine day/ was early out of bed/ she washed herself from top to toe/ there now, that's done she said”, я решил, что попытка не пытка. Тем более что лишний заработок – а за этот перевод, в отличие от большинства художественных переводов в наше время, предлагали сумму выше символической – был весьма кстати.

Правда, стихи показались мне каким-то странными. Во-первых, они были написаны без заглавных букв и пунктуации. Во-вторых, английский язык звучал местами не то что неуместно для детской поэзии, а как-то вообще малопонятно, например: “oh look, you've made my chair look sweet/ with flowers, just like my dress (?)”. Я вчитался в пересланное сопроводительное письмо от иностранного заказчика, поискал дополнительные сведения и выяснил следующее.

Когда б вы знали, из какого...

Мне предлагали перевести несколько детских книжек голландского писателя и художника Дика Брюны о маленькой крольчихе по имени Миффи¹. Каждая книжка (малого формата, в твердой обложке) содержит одно стихотворение (из 12, реже 13 четверостиший); каждое четверостишие сопровождается картинкой, выполненной в характерной примитивистской манере. Судя по многочисленным размещенным в Интернете материалам, книжки Дика Брюны в Голландии весьма популярны, а в Утрехте даже существует музей «Дом Дика Брюны», где у входа посетителей встречает немного жутковатая скульптура, изображающая Миффи в виде этакое массивного золотого идола.

Здесь читатель, возможно, решит, что я зарпортовался: писатель-то голландский – при чем здесь перевод с английского? Тут начинается самое интересное: политика издательства «Мерсиз», занимающегося распространением этих книжек в различных странах.

Во-первых, как мне объяснили, на «третьи» языки книжки о Миффи переводятся не с нидерландского оригинала, а с английского перевода. Отсюда, кстати, и разнообразие имен: сама Миффи в оригинале – Нейнтъе (Nijntje²), ее тетя Алиса (в английском переводе – Alice) в нидерландском оригинале – Трейн (Trijn) и т. д. Я-то думал, практика поэтического перевода через подстрочник осталась в прошлом или же используется только тогда, когда квалифицированного

¹ Желаящие могут познакомиться с этим персонажем поближе на фирменном сайте www.miffy.com.

² В голландском это имя говорящее: оно произведено от слова *konijntje*, которое, в свою очередь, является уменьшительной формой *konijn* – «кролик».

переводчика с языка оригинала на язык перевода не найдешь (пара «нидерландский-русский», думается, к таким случаям не относится), а вот поди ж ты.

Во-вторых, издательство выслало составленный на английском языке перечень правил для переводчика, который я ниже приведу с небольшими сокращениями в русском переводе³:

Пожалуйста, имейте в виду, что Миффи должна иметь во всех странах одно и то же имя (по соображениям защиты авторского права и ради сохранения единого для всех стран товарного знака). Имена других персонажей тоже в целом должны оставаться без изменений за исключением тех случаев, когда это невозможно: скажем, если «снаффи» (кличка собаки) будет для русского читателя иметь отрицательные ассоциации. В таких случаях просьба подобрать другое русское имя, которое мы обсудим и одобрим (или же попросим вас предложить другое).

Дедушка и бабушка Миффи – родители ее отца (в некоторых языках от этой информации зависит перевод слов «дедушка» и «бабушка»). Тетя элис – сестра ее отца. Дядя-летчик – это, скорее, друг семьи, но миффи его зовет дядей.

Фамилия Миффи по-английски – *bunny*⁴, ее можно дать по-русски в переводе... Сама Миффи – девочка.

В общем, мы стараемся употреблять как можно меньше знаков препинания и по возможности воздерживаться от употребления заглавных букв (пожелание Дика Брюны).

Вторая и четвертая строка каждого четверостишия рифмуются. Перевод должен иметь легкий для восприятия ритм.

Любопытные и, в общем-то, странные требования, если вспомнить, что речь идет о художественном, казалось бы, переводе. Но я не буду на них останавливаться. Замечу только, что при переводе с голландского на английский ряд имен был адаптирован (см. примеры, приводившиеся выше), т.е. в известной степени для англоязычных малышей персонажи стали более «своими». А вот русским детям предписано воспринимать всех героев в англазированной облики.

Что же представляют собой эти голландские стихи и их английский перевод – посредник? Я не буду пытаться анализировать их смысловые и литературные особенности, а ограничусь беглым анализом чисто лингвистических черт, которые стоило учитывать при переводе на русский.

Хорошо быть не переводчиком, а автором, да к тому же еще и иллюстратором собственных книжек! Дик Брюна, судя по всему, больших затруднений в рифмах не испытывал и к особенному их разнообразию не стремился. Как мы уже знаем, имя голландской крольчихи – *Nijntje*. В книжках в основном употребляется краткая форма этого имени, *Nijn*, которая – вот удача! – рифмуется с глаголом *zijn* («быть»), и с прилагательным *fijn* («хороший», также в составе выражения *fijn vinden* – «находить хорошим», «нравиться»), и с прилагательным *klein* («маленький»), и с существительным *pijn* («боль»), и с

³ Употребление заглавных букв при обозначении имен и кличек такое же, как в оригинале.

⁴ Слово, которое в английском языке может употребляться по отношению как к кроликам, так и к зайцам.

именем тети *Trijn*, и с именем подружки *Willemijn*. Еще одна рифма-«многостаночница» – *pluis* (что-то вроде «пушок» – фамилия Миффи) – *huis* («дом»). Во втором случае английскому переводчику повезло: нашелся близкий эквивалент *Miffy Bun*, который с постоянством, достойным лучшего применения, рифмуется со словом *fun*.

Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров рифмованных строк из выбранных наугад трех книжек (а заодно и соответствующие фрагменты из английского перевода):

en weg ook willemijn weg van dat spook te zijn	and off went winnie too from what that ghost might do
naar lieve tante trijn ik wil geen spook meer zijn	the aunt I like the most I'll give up being a ghost!
zij was weer nijntje pluis we kunnen weer naar huis	just miffy, plain to see you can come home with me!
heel eng, zei willemijn maar wel heel goed hoor nijn	said aggie - win agreed but miff, how well you did
die zeiden: lieve nijn wij vinden dansen fijn	said: just give us a chance! we really love to dance
je weet wel, tante trijn en danste mee met nijn	aunt alice, as you know she danced with miffy, too
doet dat niet erg pijn dat vind ik niet zo fijn	but won't it hurt a lot? I think I'd rather not...
wat vreselijk groot, zei nijn waar zou mijn kamer zijn	it's so big! miffy said can I go home instead?
en daar zat kleine nijn maar dat deed haast geen pijn	all crisp and white and neat, it scarcely hurt a bit
en vader pluis bij nijn nijn dacht: wat zou dat zijn	and father bunny, too a present here for you!
hoi-hoi, zei kleine nijn tóch wel een beetje fijn	and miffy hugged her tight is really quite all right

Даже в одних только этих примерах заметно, что английский текст существенно отличается по звучанию от голландского оригинала. В силу ли своих теоретических установок (или отсутствия таковых) или под давлением предписаний «Мерсиз», но английский переводчик стремился во что бы то ни стало передать фактическую информацию оригинала (а именно элементы описываемой ситуации, по терминологии А.Д. Швейцера, достичь эквивалентности на компонентом подуровне семантического уровня). В результате английский текст оказался разнообразнее по лексическому составу, чем оригинал (раз выезжать на *nijn-zijn* уже не получается, волей-неволей приходится изобретать другие рифмы и конструкции), однако оказался малопригодным для чтения, тем более детского.

В приведенных выше примерах заметны нарушения рифмы (*agreed-did*, *know-too*, *neat-bit*) и ритма (*I'll give up being a ghost!*, *it's so big! miffy said*). Другие примеры, которые приводились выше и еще последуют по ходу изложения,

иллюстрируют и многочисленные стилистические несуразности английской версии.

Взявшись за русский перевод, я поставил себе задачу по возможности сохранить естественность голландского оригинала и разнообразие английского «подстрочника», не скатившись при этом ни в примитив, ни в стилистическую безвкусицу. Чтобы освоиться в малознакомой мне области перевода поэзии, да еще и детской, я освежил в памяти стихи К. Чуковского, С. Маршака, А. Барто, а также еще раз перечитал те места в книге Чуковского «От двух до пяти», в которых речь идет о принципах написания хороших стихов для детей младшего возраста.

Я не льстил себя надеждой потягаться с признанными отечественными мастерами детской поэзии, но надеялся хотя бы не испортить языковой вкус детей, которым случится с этими стихами познакомиться. Чтобы читатель мог сам сделать вывод о том, насколько у меня это получилось (или не получилось), приведу отрывки из двух стихотворений с моим переводом:

<p>kind father bunny said one day let's give our miff a treat and try the playground for a while oh yes, said miff, that's great</p> <p>they had to take the car because the playground was quite far but when they'd driven for an hour said father, here we are</p> <p>oh yes, cried miffy, there it is and I can see a swing I'm going to run and try it out hurrah, this is the thing!</p> <p>so miffy went and swung and swung she thought it really grand she could have sat down on the swing but miffy liked to stand</p>	<p>сказал однажды папа: давайте-ка втроём на детской спортплощадке денёчек проведём</p> <p>до спортплощадки далеко поэтому решили раз ехать – ехать с ветерком в своём автомобиле</p> <p>ура! – вскричала миффи завидев парк едва. – а можно я качели попробую сперва?</p> <p>качается мифутка свалиться не боится и даже – погляди-ка – стоит и не садится</p>
<p>it's early in the morning, but miffy's already gone walking to school with all her friends and with her red dress on</p> <p>the school was not too far away they got there very soon the school looked very cosy and they had a pretty room</p> <p>the bell was rung to start the day and school could then begin when they sat down the teacher saw that everyone was in</p>	<p>с утра пораньше миффи сегодня поднялась надела платье красное и в школу собралась</p> <p>с подружками весёлыми дошла она тотчас какая школа славная! какой уютный класс!</p> <p>звонит звонок – урок письма вот первый наш предмет и все расселись по местам отсутствующих нет!</p>

first we will make a row of curls said teacher, do your best these curls will help you start to write before you learn the rest	сначала петельки писать попробуйте, ребята а к буквам перейдём потом: пока вам рановато
--	--

Оправдаться есть возможность...

Итак, я перевел первые девять книжек-стихотворений, издатель их одобрил и работу оплатил, а переводы отправил в «Мерсиз» на утверждение (такой установлен порядок; более того, печатает книги для других стран «Мерсиз» тоже сама, чтобы сохранить единое качество полиграфии и контролировать тираж). Конечно, представляется странным, что голландское издательство берется оценивать качество стихотворного перевода на русский язык. Стоило ли в таком случае заключать договор с российским издателем, если компетентность его переводчиков изначально ставится под сомнение? Но у каждого барона своя фантазия.

Прошло около двух месяцев, и мой издатель переслал мне пришедшее из Голландии письмо, в котором говорилось следующее (здесь и далее переписку на английском я буду цитировать в русском переводе):

Мы получили комментарии нашего корректора по поводу перевода 9 книг о миффи, которые Вы собираетесь публиковать на русском языке. Обычно мы поступаем так: анализируем аргументы корректора в обоснование предлагаемых им правок и, если у нас возникают вопросы, связываемся с издателем.

В данном же случае корректор/переводчик внес столько правок, что только прокомментировал общее направление редакции, но не прилагал индивидуального обоснования каждой правки.

Мы не говорим по-русски и не можем судить, насколько обоснованы их претензии. Поэтому пересылаем Вам письмо корректора с файлами в том виде, в каком мы его получили. Что Вы на это скажете?

Ниже следовало письмо корректора:

Основной недостаток заключается в том, что размер в большинстве стихов неоднороден, т.е. в одном и том же стихотворении встречаются два и более варианта размера.

Во-вторых, используются неуместные слова: стилистически окрашенные или слишком разговорные.

Указания насчет официального обращения к родителям и бабушке с дедушкой не были соблюдены.

Стихи некорректно оформлены: совершенно не используются заглавные буквы, отсутствует большинство пунктуационных знаков⁵.

Кроме того, в переводе встречаются ошибки.

⁵ По поводу этого замечания сотрудница «Мерсиз», написала, что на него можно не обращать внимания, поскольку таковы были пожелания правообладателя (корректор, надо полагать, о них не знал).

К письму были приложены файлы с моими переводами, по которым щедро прошелся корректорский «карандаш» (в вордовском режиме правки). Разумеется, были проставлены все знаки препинания и все заглавные буквы (при этом, отметим, корректор менял не только первую букву слова, а переписывал все слово целиком, из-за чего у не владеющих русским голландцев должно было сложиться впечатление, что все первые слова всех строчек в моем переводе никуда не годятся).

Но, кроме того, корректор добросовестно попытался выправить и мой «неоднородный» размер, и «стилистически окрашенные» слова. Получилось примерно так:

мой перевод	правка корректора
давай, – сказал отец, – садись на тот конец смелее! но дело не пошло у них ведь папа тяжелее	«Садись на тот конец качель, – Сказал отец, – смелее!» Но дело не пошло у них, Ведь папа тяжелее.
а ну-ка что ещё нашла мифутка наша тут? скакательно-летательный пружинящий батут!	Затем они нашли батут. «Продолжим развлекаться! На нем мы можем без труда Скакать и кувыркаться».
однажды смастерил он для миффи самокат ура, – вскричала внучка. – ты, деда, просто клад!	Однажды смастерил он Для Миффи самокат. «Ура! – вскричала внучка. – Вы, деда, просто клад!»
тут бабушка руками всплеснула: ой-ёй-ёй! какой платок красивый и цвет любимый мой!	И бабушке был в радость Подарок дорогой: «Какой платок красивый! И цвет любимый мой!»
как жаль, но надо мне домой меня там ждут к обеду не беспокойтесь за меня я медленно поеду	«Как жаль, пора домой мне, Ведь ждут меня друзья. Поеду потихоньку На самокате я».
с порога машут старики: ты нас не забывай! а папе с мамою своим привет передавай	И машут старики ей: «Ты нас не забывай! Родителям с любовью Привет передавай!»
вот миффи спит, сопит во сне а у неё под мышкой улёгся верный миффин друг пушистый тёплый мишка	Вот Миффи спит, сопит во сне, А у неё под мышкой Улёгся её верный друг – Пушистый, тёплый мишка.
проснулась миффи утром воскликнула: беда! нигде медведя нету пропал он без следа	Проснувшись рано поутру, Не видит Миффи мишку. Пропал дружок её, беда! Расстроилась малышка.
в слезах и в горе кроха отправилась домой: пропал, пропал навеки хороший мишка мой!	Не зная, где ещё искать, Бредёт обратно кроха. «Пропал навеки мишка мой! Мне без него так плохо!»

Ну и так далее и тому подобное. С одной стороны, в угоду ритмическому единообразию принесен и смысл (к каким это друзьям маленькая Миффи может ехать домой?), и грамматика («на тот конец качель»). С другой стороны, стало ясно, почему корректора так смутила стилистика перевода. Если присмотреться к правке внимательнее, нетрудно заметить установку на сглаживание всего интересного, веселого, мало-мальски залихватского и на насаждение банальностей, сентиментальностей и слащавостей («дружок», «малышка», «привет с любовью», «развлекаться-кувыркаться» и т. д.). И, разумеется, мне не простили «Мифутку» (кто-то может предложить другой уменьшительно-ласкательный вариант для «Миффи»?) и такое «слишком русское» притяжательное прилагательное, как «Миффин». Чтобы разделаться с последним, корректор даже совершил насилие над ритмом: «Улёгся её верный друг».

Отдельного разговора стоит замена «ты, деда, просто клад» на «Вы, деда, просто клад». В перечне претензий корректора упоминалось то, что я не выполнил требований, касающихся официального обращения к родителям и бабушке с дедушкой (“The instructions concerning formal address to (grand)parents were not observed”). Никаких требований на этот счёт я не получал, однако позже мне в руки случайно попали указания на английском языке, которые «Мерсиз» отправляла корректорам, где я прочел следующее:

В книжках и первом мультсериале о Миффи к Миффиным родителям и бабушке с дедушкой обращаются официально. Эта форма обращения может показаться старомодной, но это стиль Дика Брюны. Нам хотелось бы его сохранить.

Все страньше и страньше, как говорила Алиса. Не будем иронизировать насчет того, что «Мерсиз» не может навести порядка в переписке (пересылает переводчику одни указания, корректору – другие) – тут есть темы посерьезнее. Во-первых, из английского письма неясно, кто именно обращается к родителям и бабушке с дедушкой официально: Миффи, другие персонажи или, например, рассказчик. Однако корректор, видимо, решает, что это относится к самой Миффи.

В таком случае возникает резонный вопрос: на каком основании? В английской версии (с которой я, строго говоря, переводил) никаких маркеров официального стиля при общении Миффи с родными нет. А в нидерландском оригинале Миффи говорит дедушке, например: “ора, hoe wist je dat?” Вряд ли в этой фразе есть что-то официальное: *ора* («дедушка») – слово разговорное (более книжный вариант – *grootvader*). Да и местоимение *je* в нидерландском языке является менее официальным членом оппозиции местоимений 2-го лица единственного числа (более официальным вариантом было бы *u*, соответствующее русскому «вы» в ситуациях, когда между говорящими существует значительная разница в возрасте или статусе).

Наконец, заслуживает внимания сама попытка голландских издателей навязывать переводческие решения переводчикам на русский через посредство туманных указаний на английском. Предположим, Миффи действительно обращалась бы к родителям, бабушке и дедушке несколько официально, но в тех рамках, которые допускает нидерландский язык (пусть даже и несколько старомодный). Это отнюдь не значит, что в переводе на любой третий язык того же

самого эффекта можно добиться механической подстановкой в речь крольчихи официальных местоимений.

В современном и даже несколько старомодном литературном русском языке нет естественного официального регистра общения детей с родителями и бабушками с дедушками, противопоставленного нейтральному (речевой обиход отдельных семей не в счет). Представить себе внучку, обращающуюся к своему дедушке на «вы», можно только в дореволюционном контексте, скажем: «На, вот тебе, Машенька! – Благодарю вас, дедушка! – с искренностью сказала Маша и, поцеловав руку старика, поспешно вышла из его комнаты» (А.Н. Анненская). Но такой форме обращения должен соответствовать и остальной речевой обиход, и поведение детей и внуков, соответствующие нормам своей эпохи (а дети в советское и постсоветское время по сравнению с дореволюционными годами значительно «эмансипировались» и представления о подобающем им поведении изменились до неузнаваемости). Разумеется, всего этого учесть невозможно, сидя в Голландии, не говоря ни слова по-русски и занимаясь не переводом, а «брендингом» и «сейлзами».

И, конечно, сочетание «вы» и «деда» многое говорит о стилистическом вкусе человека, который его породил.

Московский издатель был полностью солидарен со мной, но попросил меня составить ответ, чтобы отстоять нашу позицию. Ниже я приведу фрагменты этого письма. Единственная причина, побудившая меня предложить вниманию общественности этот в общем-то малозанимательный эпизод моей переписки, заключается в желании показать, что с заказчиком, если он предъявляет необоснованные претензии, можно и нужно спорить. И не всегда переводчику уготована лишь роль безропотного исполнителя любого заказчицкого каприза.

В ответ на ваши замечания я могу сказать следующее

1) Заглавные буквы и пунктуация

Хотя вы и отметили, что отсутствие заглавных букв и большинства пунктуационных знаков объясняется вашими же собственными указаниями, а следовательно, на этот блок замечаний можно не обращать внимания, не совсем понятно, почему корректору об этих указаниях не сообщили. Многие изменения в отредактированных версиях стихов (в том числе, первое слово каждой строки) выделены красным только потому, что был изменен регистр. Таким образом, вы могли получить неверное представление об объеме внесенной правки. Более того, если корректор не знал о специфических требованиях к графическому оформлению стихов, он, скорее всего, испытывал раздражение по отношению к переводчику, пренебрегающему основными правилами русского языка, а следовательно, у него могло возникнуть желание править текст сильнее, чем требовалось.

2) Размер

Хочу подчеркнуть, что размер во всех стихах ямбический, как и в оригинале. Вторая и четвертая строка во всех четверостишиях рифмуются. Варьирование заключается только в количестве стоп (слогов) и иногда – в переходе с мужской рифмы на женскую и наоборот.

Несколько удивительно, что эти незначительные вариации привлекли к себе столько внимания, поскольку английский оригинал, по меньшей мере, непоследователен. В присланном вами «техническом задании» было ясно указано, что «вторая и четвертая строка каждого четверостишия рифмуются» и что «перевод должен иметь легкий для восприятия ритм». Однако в английском тексте встречается множество случаев отхода от этих правил, например:

рифма	ритм
now you shall have your wish, she said, a baby will be yours she beat her wings and flew away to her home among the stars	<i>mr and mrs bunny lived</i> Ритм в этой строке выглядит следующим образом: / – / – / – / либо же слово <i>mister</i> придется произносить как <i>misTER</i> .
the hen arrived, with all her chicks the next was mr cock even the cow had heard the news and came to have a look	<i>in a white house all alone</i> Строчка очевидно хореическая (/ – / – / – /), тогда как следующие две строки (<i>the house had scarlet shutters, and/ a garden of its own</i>) написаны опять ямбом. <...>
said miffy's father one fine day I have a good idea I'm going to the zoo today will you come with me there?	<i>mr bunny grew the flowers he weeded, dug and sowed he watered all the flowerbeds and watched the flowers grow</i> Опять же первая строка хореическая (/ – / – / – /), а в трех остальных – ямб.
going to the zoo, cried miffy bun oh yes, that will be fine but it's a long, long way away I hope the train's not late	<i>she bought fat peapods, lettuces, and cauliflowers to eat</i> В первой строке под влиянием ямбического размера слово <i>lettuces</i> (во множественном числе, как здесь, это слово вообще практически не употребляется, а тем более оно неуместно в детской поэзии) приходится читать как <i>lettucES</i> . Во второй строке трифтонг [aui] в конце слова <i>cauliflowers</i> приходится произносить как один слог, что звучит неестественно и неуклюже.
kind father bunny said one day let's give our miff a treat and try the playground for a while oh yes, said miff, that's great	<i>and then - what's that? cried miffy that funny little horse a horse with stripes all over it a zebra? yes, of course</i> В первой строке 7 слогов, в третьей – 8 ⁶ .

⁶ На момент написания этого письма у меня временно не было на руках голландских оригиналов, однако позже подобные вариации я обнаружил и там, например: *op een dag kwam nijntje pluis/ naar*

<...>

Как я уже сказал, список подобных примеров можно продолжать до бесконечности.

Впрочем, менять тип рифм и слегка варьировать длину строк меня побудили не эти отклонения в оригинале (они только, как мне показалось, свидетельствовали о том, что издатель против подобных приемов не возражает). Главным же моим мотивом было желание сделать стихи менее монотонными и более интересными для русских детей, поскольку как в оригинальной русской детской поэзии, так и в лучших переводах всегда встречается подобное варьирование, если оно нужно для придания стихам естественности.

Переход от мужских рифм к женским и обратно, кроме того, дал мне возможность употреблять слова более естественным образом и не прибегать к неудачным рифмам и нелепым словам-заполнителям, которыми изобилует английский оригинал.

Также хочу добавить, что некоторые предложенные корректором правки на самом деле выбиваются из размера, например:

she thought it felt so friendly	Первоначальный перевод: <i>улёгся верный миффин друг</i> (- / - / - / - /)
	Предложенная правка: <i>Улёгся её верный друг</i> (- / - - / / - /)

<...>

4) Стилль

Стилль русского перевода в целом нейтральный с вкраплениями разговорных синтаксических конструкций и лексических единиц там, где это уместно. Я с удивлением прочитал, что некоторые слова в моем переводе «стилистически окрашенные или слишком разговорные», как будто бы я переводил юридический документ или инструкцию по эксплуатации.

Умеренная разговорность заложена уже в самом стиле оригинала и выражается, например, в прямых обращениях к ребенку, читающему или слушающему стихи. Невозможно заставить ребенка искренне сопереживать тому, что описано в тексте и изображено на картинках, если говорить с ним в официально-сухой манере.

В то же самое время в моем переводе нет ничего сленгового, грубого, диалектного или каким-либо иным образом непригодного для детской поэзии. Нелишним будет отметить, что ваш корректор говорит только о словах, хотя – как должно быть известно любому профессиональному переводчику – стилль текста зависит от синтаксиса не меньше, если не больше, чем от лексики. Мой выбор слов, за которым стояло намерение создать легкий для восприятия текст, напоминающий непринужденный разговор, логично сочетался с синтаксическими конструкциями, естественными в обиходной речи. Если заменить некоторые «стилистически окрашенные или слишком разговорные» слова (хотя я по-прежнему не представляю себе, где они у меня в переводе) на более книжные единицы, они будут выбиваться из своего синтаксического окружения.

При этом некоторые правки, предложенные корректором, в лучшем случае субъективны, а в худшем – то слащаво-сентиментальны, то отдают канцелярским языком, то нарушают грамматические правила, то привносят в текст не имплицитную оригиналом информацию.

В заключение хочу сказать, что, как... (и здесь я упомянул свою квалификацию и некоторые профессиональные достижения – Д.Б.), надеюсь, я в состоянии грамотно употреблять слова с учетом их стиля.

5) Ошибки в переводе

Эту претензию я смогу прокомментировать только в том случае, если ваш корректор четко укажет, что он считает ошибками и почему. Подчеркну, однако, что ошибиться при переводе текстов такого рода довольно трудно, поскольку каждое четверостишие сопровождается картинкой. Напротив, отступления от оригинала, которые в других случаях поэтического перевода были бы вполне извинительны (например, изменение цвета упоминаемого мелка или выбор других объектов при описании того, что изображено на рисунках детей), в данном случае невозможны, поскольку в результате таких отступлений текст начнет противоречить картинке.

Поэтому я приложил все усилия для того, чтобы передать всю релевантную информацию и не привнести в текст от себя ничего настолько заметного, что потребовало бы отображения на картинке. Но, безусловно, в процессе перевода произошли – по очевидным причинам – определенные опущения и добавления менее важной информации, без которых немислим ни один перевод.

Искренне надеюсь, что тем самым я ответил на все ваши вопросы по поводу русского перевода и что возникшее досадное недоразумение будет устранено.

За этим следовала подпись с указанием моей ученой степени и должности в университете.

Сразу оговорюсь, что упоминания о своих регалиях и заслугах я вставил в ответ не потому, чтобы я думал, будто подобные вещи определяют правоту человека в серьезном научном споре. В серьезном споре все решает качество аргументации, а не ранг оппонентов. Но в данном случае о серьезном споре, конечно, говорить не приходилось.

Подозрительные голландцы, не говорящие по-русски и, видимо, мало что понимающие в вопросах перевода, отсылают текст анонимному «корректору», не объяснив ему толком, что именно он проверяет, и, очевидно, не оценив, подходит ли его квалификация для подобной работы. В результате я вынужден тратить уйму времени на то, чтобы оправдываться перед людьми, которые, за незнанием русского, все равно многих моих аргументов не поймут.

В неравном бою приходится применять сомнительные приемы – поэтому в ход пошло и надувание щек.

Должен сказать, что московский издатель повел себя в данной ситуации очень достойно и по-человечески. Препровождая мой ответ в Голландию, он еще раз подтвердил, что перевод, на его взгляд, хорош и что он не сомневается в профессионализме своего переводчика.

Через неделю пришел ответ:

Спасибо за объяснения и исчерпывающую аргументацию. Мы полностью согласны с вами и одобряем перевод профессора (?). Приносим извинения за то, что комментарии корректора оказались для вас бесполезными (переводческое агентство, к которому мы обратились, работает с профессиональными переводчиками и корректорами, и до сих пор нас полностью устраивала его работа, но с этим англо-русским переводчиком мы раньше дела не имели).

А судьи кто?

Но вот первая партия стихотворений о Миффи была отпечатана и появилась в продаже. Неожиданно рецензией на это скромное издание откликнулась одна из ведущих российских газет. В рецензии, бóльшая часть которой была посвящена биографии автора оригинала, а также самому автору рецензии, непосредственно о переводе говорилось лишь в последнем абзаце. Приведу его целиком:

Как же выглядит Миффи у нас? Точно так же, как у себя дома, – никаких претензий к полиграфии. Она, правда, заговорила по-русски, к чему трудно привыкнуть. Не хочу сказать, что стихи переведены плохо, они переведены совсем неплохо. По сравнению с английскими переводами в моих старых книжках, они просто хороши. Но видимо, мы слишком избалованы советской детской поэзией, чтобы не придирается к маршаковским рифмам “дочка-точка” или к поражающему своей шепелявостью слову “Мифутка”. Как нам говорят, ничего не поделаешь — русский текст заверяется клерками из Mercis, он должен сохранять все темы и размер подлинника, но я бы все-таки попробовал чуть докрутить перевод, чтобы веселый дух подлинника сохранился еще лучше⁷.

Хочу сразу же предупредить читателя, что эта рецензия меня отнюдь не огорчила. Совсем напротив: увидев, что по крайней мере одну мою рифму назвали «маршаковской», я почувствовал себя польщенным сверх всякой меры. Так что во всех моих дальнейших замечаниях нет и тени какой-то затаенной обиды, а есть только любопытство по поводу того, как сегодня рецензируют переводы (хоть бы даже и второстепенной литературы).

Для начала обратим внимание на один, казалось бы, незначительный, но, по моему суждению, показательный нюанс. На обложке изданных книг стоит имя автора – «Дик Брюна». Фотографии этих обложек сопровождают и саму статью. Но при этом ее автор в нескольких местах пишет «Дик Бруна», «бруновских» и т. п. (один раз он фигурирует даже как «Дирк Бруна», но это, вне всякого сомнения, досадная опечатка).

Не правда ли, странно? Вспоминается персонаж из «Сказки о Тройке» Стругацких:

С каких это пор он Машкиным заделался? – брезгливо спросил Хлебовводов. – Бабкин, а не Машкин! Бабкин Эдельвейс Петрович. Я с ним работал в одна тысяча девятьсот сорок седьмом году в комитете по молочному делу. Эдик Бабкин, плотный такой мужик, сливки очень любит... И, кстати, никакой он не Эдельвейс, а Эдуард, Эдуард Петрович Бабкин.

⁷ <http://kommersant.ru/doc/1629929>.

Но может быть, тем самым журналист хотел недвусмысленно показать, что переводчик с издателем дали маху и неправильно затранскрибировали иностранную фамилию (Bruna)? Да нет, все, кажется, так. В нидерландском языке буква «и» после согласной читается и пишется как «ю». Об этом свидетельствуют специализированные источники⁸, об этом же напоминают такие привычные для русского уха названия голландского происхождения, как «Брюссель» или «Брюгге». Да и те, кто слышал голландскую речь, могут засвидетельствовать: этот звук гораздо ближе к русскому «ю», чем к «у». Но журналисту нравится через «у», а стало быть, «ндраву моему не препятствуй».

Не нравятся журналисту не только буква «ю», но и косвенные падежи: «От Бруна требовали все новых и новых сказок...» (как будто фамилия автора – Брун). Здесь проигнорированы уже не особенности произношения иностранного языка и переводческая практика, а норма литературного русского языка:

Нерусские фамилии на неударяемые *-а, -я...* склоняются: *стихи Пабло Неруды, игра Капабланки, трактат Авиценны, деятельность Патриса Лумумбы*. Исключение составляют фамилии на неударяемые *-а, -я* с предшествующим гласным *и*: *рассказы Гулиа, стихи Гарсия*. Не склоняются финские фамилии этого типа: *встреча с Куусела*⁹.

Если уж Розенталь не авторитет, приходится ли рассчитывать на снисхождение переводчику? Впрочем, рецензент начинает благодушно: «Не хочу сказать, что стихи переведены плохо, они переведены совсем неплохо. По сравнению с английскими переводами в моих старых книжках, они просто хороши». Правда, справедливости ради отметим, что этот комплимент (намеренно или случайно) отвешен как-то неуклюже. Все равно что: «Не хочу сказать, что Маша – уродина, она совсем не уродина. По сравнению с Дашей она просто красавица».

Далее следует загадочная фраза: «Но видимо, мы слишком избалованы советской детской поэзией, чтобы не придирается к маршаковским рифмам “дочка-точка”». Гм, попробуем понять ее суть. Если мы избалованы советской поэзией, значит, нам нравится советская поэзия, так? Маршак – советский поэт, так? «Быть слишком Х, чтобы не делать Y» – значит делать Y, так? Придирается – значит незаслуженно упрекать, так? Стало быть, «нам так нравится советская детская поэзия, что мы будем незаслуженно упрекать перевод за рифмы, характерные для представителя советской детской поэзии».

Но ведь это бессмыслица? Да, конечно. Зато, если не вдумываться (помилуйте, кто же сегодня вдумывается?!), кажется, что ловко поддели Маршака и продернули переводчика.

⁸ См., например: Ермолович Д.И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. – М.: Р.Валент, 2005. – С. 340; Гиляревский Д.С., Старостин Б.А. Иностранные имена и названия в русском тексте. – М.: Междунар. отношения, 1978. – С. 96.

⁹ Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. – М.: ООО “Издательство АСТ-ЛТД”, 1998. – С. 113.

Про «поражающее своей шепелявостью слово “Мифутка”» ничего сказать не могу. Если поражает – что тут поделать. Но забавно, что за «Мифутку» мне уже досталось дважды.

И напоследок – про «клерков из Mercis» и «веселый дух подлинника». Как я уже рассказывал выше, за попытки мало-мальски обеспечить веселость и естественность с голландским издательством пришлось выдержать бумажную войну. Интересно, что бы написали про перевод, если бы я действительно руководствовался критериями мерсизовских корректоров и не стал бы отстаивать право на свободу маневра?

Но особенно любопытна мысль про дух подлинника. Во-первых, о каком подлиннике идет речь? Допустим, об английском (хотя рецензент выше и справедливо называет английские книжки о Миффи переводами). Ну, если в этом «подлиннике» и есть какой-то дух, то никак не веселья, а разве что скуки, невероятной натуги и бездарности. В дополнение к приводившимся выше перлам можно добавить, например, такие:

grunty was dancing with the best
so neat a step had she
and oh, when you have turned the page
you don't know what you'll see

grandma had taught miffy knitting
very neatly, as you should
and the picture shows you clearly
miffy's knitting is quite good

this makes me so happy, miffy
the cold has often done me harm
but now I know that that's all over
your cosy scarf will keep me warm!

and miffy was so happy
at what she had just done
for when he reached the playground
everyone cried: hi dan!

Напоминает творение одного носителя русского языка (чье имя я из человеколюбия здесь называть не буду), издавшего стихотворный перевод на английский «Евгения Онегина», включавший в себя такие переводы всем известных строк:

My uncle keeps to honest systems:
By falling ill yet not in jest,
He made me love him with insistence
And couldn't find some better test.

We all to learn had little go
And anyhow something got,
With education, as you know,

We all can shine, and bless it God!

Не правда ли, в стиле чувствуется что-то общее с английской Миффи? Напрашивается хулиганский вопрос: если бы рецензент по воле рока прочел «Онегина» сперва в этом переводе, а только потом в пушкинском оригинале, не пожалел бы он тоже о пропавшем «веселом духе»?

Но положим, рецензент из скромности умолчал о своем владении голландским и сравнивал перевод именно с подлинником Брюны. Так как «маршаковскую» рифму «дочка-точка» рецензент взял из книги «Миффи в музее», приведу для сравнения из того же источника несколько четверостиший на голландском с моим опосредованным переводом:

nijntje mocht mee, gelukkig maar ze liepen stevig door wat leuk naar het museum toe nijn vond het spannend, hoor	итак отправились втроём и хоть недолог путь мифутке нашей на музей не терпится взглянуть
een beer, een echte beer, riep nijn maar vader pluis zei: neen een echte beer is lekker zacht en deze is van steen	пап, глянь – медведь! да где же ты медведя увидала? живой медведь – он мягкий весь а этот из металла
die strepen vind ik ook wel mooi ik vind dat echt heel goed alleen weet ik niet zo precies hoe of ik kijken moet	красивая картина но мудроно понять с какой же стороны её рассматривать начать
en later als ik groter ben – dus over een paar jaar – dan weet ik nu wel wat ik word dan word ik kunstenaar	когда немного подрасту ну где-то через год я стану знаете вы кем? художницей, вот-вот!

Трудно догадаться, в чем именно мог бы заключаться тот веселый дух, который в переводе якобы выветрился. Если согласиться с тем, что русский перевод легок для чтения и естественен (по крайней мере, рецензент не утверждал обратного), то потеря веселости могла бы иметь место только в том случае, если бы подлинник был особенно оригинален в синтаксическом отношении, содержал бы в себе высокоэкспрессивную лексику, смело воспроизводил бы разговорные интонации, отличался бы залихватской звукописью и т. п. Насколько можно судить, ничего такого в голландских стихах нет.

Приведу еще один аргумент, хотя и сам по себе недостаточный, но с учетом всего вышесказанного кое о чем говорящий. Я подсчитал количество разных рифм в 20 голландских оригиналах и моих переводах. Получилась довольно показательная статистика:

	Всего рифм (2-я и 4-я строки каждого	Из них случаев рифм, имеющих полные или	Из них случаев рифм,	Рифм, не имеющих полных или
--	--	---	----------------------------	-----------------------------------

	четверостишия)	частичные совпадения ¹⁰	имеющих полные совпадения	частичных совпадений
Оригиналы	243	209	111	34
Переводы	243	98	8	145

Иными словами, в голландских оригиналах рифмы почти всех четверостиший либо одни и те же (одних *nijn-fijn* 13 штук), либо построены на словах, рифмовавшихся в других комбинациях еще где-то. Лексическое разнообразие, конечно, не обязательно является залогом веселости, но все-таки, думается, переводы, в которых каждое четверостишие представляло бы собой вариации на тему «быть-жить» или «так-как», вряд ли бы выиграли в задорности.

Кстати, из такого однообразия рифм в голландских оригиналах можно сделать вывод о том, что Брюна в основном рифмует слова, не являющиеся ключевыми для того или иного контекста (в противном случае рифмы были бы разнообразнее, так как сюжеты стихов отличаются друг от друга). Если верить К. Чуковскому, это признак не очень хорошей поэзии:

...Те слова, которые служат рифмами в детских стихах, должны быть главными носителями смысла всей фразы. На них должна лежать наибольшая тяжесть семантики.

Так как благодаря рифме эти слова привлекают к себе особенное внимание ребенка, мы должны дать им наибольшую смысловую нагрузку. Это правило я считаю одним из важнейших и пытаюсь не нарушать ни при каких обстоятельствах. И часто делаю опыты со своими и чужими стихами: прикрываю ладонью левую половину страницы и пытаюсь по одной только правой, то есть по той, где сосредоточены рифмы, догадаться о содержании стихов. Если мне это не удастся, стихи подлежат исправлению так как в таком виде они до детей не дойдут¹¹.

Парфразируя Хармса, остается только сказать: вот какие солидные рецензии пишутся теперь в газетах!

В общем, случайно свалившаяся подработка повлекла за собой цепь занятных событий и кое на что приоткрыла глаза. Тут и фанаберии международных издательств, и самоуверенная безграмотность редакторов, и необыкновенная легкость в мыслях журналистов. С другой стороны, все это еще раз напоминает переводчику, что если работать на совесть, отвечая за каждое слово своего перевода, то есть возможность и постоять за себя, и в чем-то даже переубедить заказчика, которого сегодня часто представляют чуть ли не как всепоглощающую стихию, перед которой переводчик может только пасть ниц.

И еще одна мысль. Профессиональные переводчики любят повторять, что комплимент вроде «перевод вышел лучше оригинала» на самом деле не комплимент, а повод призадуматься: если так, то не напустил ли переводчик

¹⁰ Случай полного совпадения – повтор той же рифмы в другом четверостишии; случай частичного совпадения – использование одного из членов данной рифмы для создания рифмы в другом четверостишии (например: *verdriet-ziet* и *verdriet-niet*).

¹¹ Чуковский К.И. От двух до пяти. – М.: Советская Россия, 1958. – С. 344.

Статья опубликована на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»
<http://www.thinkaloud.ru/featureak.html>

отсебятины? Но когда в качестве оригинала выступают такие «стихи», возникает резонный вопрос: не будет ли попытка добиваться адекватности в традиционном ее смысле (коммуникативной равноценности) издевательством над детьми? Вот, например, как я перевел первое четверостишие одной книжки:

in the forest grandpa bunny found a stick – you see it here he picked it up, and walking home he had a great idea	гулял по лесу дедушка вдруг видит: что такое? какая палка славная возьму её с собою
--	--

Но если бы я старался передать то же смешение метров, ту же неуклюжесть рифмы, ту же искусственность сочетаемости, чтобы создать у русского читателя более верное представление о всех особенностях оригинала, получилось бы что-то вроде:

гулял по лесу дедушка
и палочку нашёл
пошёл с палкой, глянь, домой он
думал: очень хорошо